

Каширин Сергей Иванович родился 10 декабря 1929 года на Брянщине в деревне Кургановка Красногорского района. Отец погиб на фронте, мать расстреляли фашисты за связь с партизанами. В 1944 г. С. Каширин был направлен в Курскую спецшколу Военно-Воздушных сил. Служил лётчиком, работал военным журналистом, затем начальником отдела культуры газеты НА СТРАЖЕ РОДИНЫ Ленинградского военного округа. Свою первую книгу «Песня над облаками» летчик С.И. Каширин выпустил в Ленинграде в 1970 г. С 1981 года является членом Союза писателей России.

За книгу «Полёт на заре» (1976) стал лауреатом Всесоюзной литературной премии Н. Островского, за книгу «Глубынь-городок. Сказания о городе Гдове» – номинант Международной премии «Филантроп», за книгу «Русский за русского стой насмерть. Русская идея Александра Невского» стал лауреатом Православного Царицынского Александра Невского фестиваля средств массовой информации Международного фонда Александра Невского. С.И. Каширин является автором сборников рассказов и стихов «Небесные тропы» (1976), «Высоты сыновей» (1979), «Право на взлёт» (1979), «Предчувствие любви» (1984), «Скорость звука» (1987), «Чёрная нелюдь. Легенды и документы об убийстве Сергея Есенина» (1995), «Сверхзвуковые соловьи» (1997), «Незнамо Поле» (1997), «Мечтаю о космической любви» (1998) и др.

ФОМА

В детстве все мне что-то обещали,
Кто конфетку, кто на хлеб пятак,
Но обычно редко угощали,
А жалели даром – просто так.

Говорю о том с улыбкой грустной,
Угощать-то было не с руки,
Потому что в той деревне русской
Небогато жили мужики.

Жизнь крестьян была всегда сурова,
Хлебушек давался нелегко,
Хорошо, если была корова, –
Ребятишкам было молоко.

Тот, кто лошадь мог иметь и сбрую,
Всем пахал – аж семь потов ручьём.
Если ж кто-то заводил вторую,
Тот уже считался кулачём.

Власть их из деревни изгоняла,
Чтобы им не смели подражать,
Всё у них до крошки отбирала
И ссылала в тундру замерзат.

Впрочем, о былом-то что теперь? Могила.
Что уж там о давней старине?
Но у нас в селе не подфартило
Никому, а вместе с тем и мне.

И хотел бы верить в обещанья
Не забыть неверящим Фому,
Да при всероссийском обнищанье
Я теперь не верю никому.

ПРИСКАЗКА

А я опять о том советском прошлом,
О чём нельзя не вспомнить, не скорбя,
В быту демократически ничтожном
Я проклинаю и виню себя.

Да как же так бездарно получилось,
Или не тот кирпич, или цемент,
Всё, что годами мною возводилось,
Разгромлено в единственный момент?!

И, подрастая, правнуки и внуки
В недоумении с тоской отводят взгляд,
Сочувствуют моей великой муке,
Но оправданий слушать не хотят.

Вокруг одни руины да обломки.
Без лишних слов давно понятно мне,
Кому какой свой приговор потомки
Провозглашают оправданно вполне.

И я опять о правде, о свободе,
Никак не раболепие, не лесть,
Я не могу не видеть, как в народе
Всё яростнее назревает месть.

И тут, и там – то гром, то страх, то встряска,
То терроризм, то слёз хоть пруд пруди...
Но это только притча. А сказка?
А сказка по заслугам впереди.

СОЛОВЬИ И БОМЖИ

Скучновато, будучи голодным,
Глядя правде нынешней в глаза,
Видеть, как на горе безработным
Дорожают хлеб и колбаса.

Но зато как вкусно, как приятно
Власти видеть плачного ханжу,
Что из телеящика бесплатно
Вешает нам на уши лапшу.

Жириновский – шут и клоун Жирик,
Соловьёв – заморский Соловей,
Каждый до того слащавый лирик,
Каждый власти милого милей.

Сразу видно, голод им неведом,
Им про голод петь и ни к чему,
Как затянут сладеньким дуэтом,
Беднякам ни сердцу, ни уму.

Но бомжам не надо делать драмы,
Хочешь – верь, не хочешь – и не верь,
Вместо продовольственной программы
Телевизионные теперь.

Неохота быть бомжом голодным,
Закрывать на ценники глаза,
Где опять в подарок безработным
Вздорожали хлеб и колбаса.

А ханжам до чёртиков приятно,
Не жалея дармовой лапши,
Слышать, как голодные бесплатно
Кроют трёхэтажными бомжи.

И молчат, соображают люди
Правда с чьих вкуснее этажей:
Трели соловьиных телестудий
Или презирающих бомжей?!

ЧЛЕН

При скромно приблизительных познаниях
Про гениальный Маркса «Капитал»,
Я гениально спал на партсобраниях
И носом выразительно клевал.

Притом, нахал, ни капли не стыдился.
Как пистолет, у сердца партбилет.
И напоказ самим собой гордился,
И строгачи партийные в ответ.

Мог и по пьяни вдрызг накуролесить,
И мог парторга распушить враспыл,
И не всегда с полочки каждый месяц
Партвзносы принудительно платил.

При гордой объективности законов,
Марксизму-ленинизму дорогих,
Нас было чуть не двадцать миллионов,
А я при этом лишь один из них.

И что случилось, что со мною стало! –
Хотя в неё никто и не стрелял,
КПСС трубуго хвост – и разбежалась,
А заодно я тоже дёру дал.

Теперь меня клянут и презирают
За мой партийный многолетний труд.
А вот партвзносов – фиг! – не возвращают
И мерзким перевёртышем зовут.

А я живу себе и в ус не дую,
И не горю, и не иду ко дну,
Готовлюсь дунуть в партию любую,
И отродясь не верю ни в одну.

ЛАКИРОВЩИКУ

Я был пилотом пикировщиком,
Бомбардировщики водил,
А он поэтом лакировщиком,
И он с земли руководил.

Я задыхался от апломба.
Восторг – пике, огонь и дым!

В значке атомная бомба
Была оружием моим.

Теперь хоть вы меня зарежьте
За грозный груз моих грехов,
Я не желаю быть, как прежде,
В плену пленительных стихов.

Готов с любым схватиться спорщиком,
Хоть в прозе, хоть в стихах, с любым,
Уж лучше быть простым конторщиком,
Чем лакировщиком тупым.

И заявляю без апломба
За так, за здорово живёшь,
Страшней, чем атомная бомба,
Отлакированная ложь.

ЗА ЖИЗНЬ!

Андреев, старый мой приятель,
Был в Сланцах так безумно смел,
Что чуть и впрямь с ума не спятил,
Да стать безумцем не сумел.

Не презирая физкультуру,
Не то чтоб очень высок,
Имел завидную фигуру,
В плечах – сажень наискосок.

Халтуре враг немилосердно,
Ни в чём не мог терпеть помех,
Служил в ГАИ, да так усердно,
Что истинно усердней всех.

Умел размашисто, по-русски
И тормознуть, и штрафануть,
А перехватит без закуски,
Так и приврать, и прихвастнуть.

Переборщить имея склонность,
Заметив левый беспредел,
Имел такую непреклонность,
Что весь честной сыр-бор гудел.

А ближние таких не любят, –
Уж Ты их, Господи, прости! –
А если ближние невлюбят,
То и у дальних не в чести.

И отомстили чин по чину
За труд и правду небеса:
Попал за честность под машину,
Под все четыре колеса.

И тут за жизнь со смертью споря,
По-русски до безумства смел,
И боль, и страх, и ужас горя,
И смерть саму – всё одолел.

Он умереть не дал надежде,
Считал, что безнадежность – грех,
Уж если жить, так жить, как прежде:
Быть лучше всех. Смелее всех!

Сдавалось, умирало тело,
Но он не сдался. Победил! –
В борьбе за жизнь, по сути дела,
Бессмертный подвиг совершил.

